

ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА СИНЕЛЬНИКОВА

кандидат исторических наук,
Санкт-Петербургский филиал Института
истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Социальный и численный состав научных обществ Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы: государственное регулирование и контроль

Рассматриваются формы властного контроля социального и численного состава научных обществ Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы. Отмечается, что перед властными органами стояла задача «коммунизации» науки, но власти приходилось искать специфические пути. Несмотря на пристальный контроль и усилия власти, направленные на трансформацию социального и численного состава научных обществ, он не претерпел на протяжении 1920-х годов существенных изменений. Только с появлением в 1930 году новых законодательно-нормативных документов начался процесс трансформации научных обществ.

Ключевые слова: научные общества, власть, социальный и численный состав научных обществ, Петроград–Ленинград, общественные организации, наука.

Накануне Октябрьской революции научные общества играли достаточно важную роль в существовавшей системе организации науки, способствовали формированию гражданского общества в России, определяли самосознание ученых. Многие ученые являлись членами научных обществ, а некоторые входили в несколько объединений. Например, академик А. П. Карпинский был директором Минералогического общества, членом совета Общества естествоиспытателей и членом Русского палеонтологического общества; академик С. Ф. Платонов являлся президентом Общества российских архивных деятелей, членом Русского географического общества и членом совета Русского археологического общества.

По социальному составу научные общества до революции были достаточно однородны, хотя наряду с научными работниками высшей квалификации в общества входили также дипломированные специалисты соответствующих отраслей, учителя, инженеры, врачи, адвокаты, агрономы и проч. Старейшие и самые авторитетные научные общества располагались в Петрограде, так как именно в столице Российской империи были сосредоточены главные научные силы страны.

Революционные события привели к самороспуску целого ряда организаций, некоторые приостановили свою деятельность только на время. Однако, невзирая на тяжелое положение страны в годы Гражданской войны, в Петрограде продолжался процесс организации новых научных обществ. Так, возникли Общество радиоинженеров (1918), Научное общество марксистов (1919), научное Общество охраны материнства и младенчества (1920). Кроме того, численность многих, про-

должавших функционировать организаций, в первые послереволюционные годы даже увеличилась по сравнению с предшествующим периодом¹ (табл. 1).

Таблица 1

Численный состав петроградских научных обществ
в 1913–1921 годы (чел.)

Название общества	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921
Русское общество любителей мироведения	221	246	308	401	506	586	702	949
Русское географическое общество	1380	1448	1494	1446	1492	1563	1611	1300
Российское минералогическое общество	н/св	н/св	н/св	408/ 481 ⁸⁶	489	490	492/ 486 ⁸⁷	487
Общество естествоиспытателей	447	н/св	н/св	456	467	464	466	468
Русское астрономическое общество	297	н/св	н/св	307	317	318	315	328
Русское физико-химическое общество	562	н/св	н/св	580	600	630	650	690
Русское техническое общество	936	н/св	н/св	1146	112	626	350	496
Общество психиатров	143	н/св	н/св	152	152	170	170	170
Общество гражданских инженеров	108	н/св	н/св	176	207	264	274	278
Микробиологическое общество	114	н/св	н/св	149	н/св	н/св	н/св	145
Общество архивных деятелей	н/св	н/св	н/св	н/св	157	207	207	254

Научные общества до Октябрьской революции находились в ведении Министерства народного просвещения. Народный комиссариат просвещения унаследовал многие функции бывшего министерства, в том числе и те, которые были связаны с работой состоявших при нем научных учреждений (Бастракова, 1973: 123). Советская власть, чтобы сохранить научный потенциал страны, поддерживала дореволюционные формы организации науки, в том числе научные общества. Отношение власти к научным обществам зависело от области научных занятий последних. Субсидировались только те научные общества, деятельность которых признавалась государством целесообразной. Деятельность обществ, сферой научных интересов которых являлись технические науки, признавалась полезной, и им выделялись субсидии, напротив, обществам, ведущим гуманитарные исследования, в финансовой поддержке часто отказывали.

Не в последнюю очередь «отношение властей к обществам определялось тем, что по своему социальному составу и характеру деятельности большинство из них продолжали оставаться носителями дореволюционных традиций общественности», причем «они не были ни массовыми, ни, в понимании большевиков, “демократическими”» (Киселева, 1998: 10). Так, представители Русского исторического общества, просьба которого о субсидировании была отклонена в конце января 1919 года, писали в научный отдел Наркомпроса, что «из бывшего ранее замкнутого кружка определенных лиц оно стало общественным учреждением, доступным для всех желающих»⁴, и что «выборы в члены общества основаны на <...> принципе

¹ Таблица составлена на основе данных, подготовленных самими научными обществами для выставки Наркомпроса в мае 1921 г. (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 22, 29, 40, 49, 60, 74, 96, 120, 125, 133, 136, 140).

² Через дробь дано количество членов обществ в начале и в конце года.

³ Через дробь дано количество членов обществ в начале и в конце года.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 65. Л. 45.

демократизации, выражающемся в упрощенном способе баллотировки членов и во введении не существовавших до сего времени членских взносов»⁵. Ответ отдела последовал достаточно прямолинейный: «Оставить в силе прежнее постановление отдела об отклонении субсидий»⁶.

Научным обществам, особенно имеющим длительную историю, было непросто соответствовать требованиям, предъявляемым к ним новой властью. В 1921–1922 годы научные общества подвергались острой критике со стороны власти. 1 сентября 1922 года в «Правде» была опубликована статья, в которой открыто выражалось враждебное отношению к ученым, входящим в научные общества: «Каста ученых всегда была сильна своею замкнутостью»; «произошла Октябрьская революция. Что же сделали так называемые светочи науки? Часть из них бежала за границу, а часть заперлась, как в бастионах, в стенах своих ученых и научных учреждений и обществ»⁷. Конечно, подобные обвинения в условиях государства «диктатуры пролетариата», вызывали большую тревогу у представителей творческой и научной интеллигенции. Насколько эти обвинения были справедливы?

Из уставов научных обществ, которые в эти годы подавались в административные органы для перерегистрации, следует, что доступ в них был ограничен. Например, для вступления в действительные члены Общества российских рентгенологов и радиологов, согласно его уставу 1922 года, требовалось быть врачом или иметь высшее физико-математическое или техническое образование, и рекомендации двух членов общества⁸. Подобные условия (соответствующее образование и практическая деятельность в области научной специализации общества, а также рекомендации не менее двух его членов) были общим местом в уставах научных обществ. Более того, почетными членами могли стать только «знаменитые русские и иностранные ученые»⁹.

Отдельные научные общества предъявляли еще более жесткие требования. Так, для вступления в действительные члены Русского палеонтологического общества, согласно его уставу 1920 года, было необходимо «представить труд, достойный изпечатания в изданиях Общества или напечатанное ученое сочинение»¹⁰ и «быть предложенным в обыкновенном заседании Общества, по крайней мере, двумя членами его и представить письменное заявление о желании быть членом общества»¹¹.

Однако некоторые общества все-таки предоставляли возможность вступить в них тем, кто не обладал соответствующим образованием и «большой ученостью», в качестве членов-сотрудников. В Русском астрономическом обществе, например, ими могли стать «лица, производящие по поручению Общества или по собственной инициативе такие астрономические работы, которые оказываются полезными для Общества»¹². Следует отметить, что подобные категории членов были не в каждом научном обществе, но даже в тех организациях, которые включали членов-

⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 65. Л. 45.

⁶ Там же. Л. 51.

⁷ Н. П. Светочи науки // Правда. 1922. 1 сентября. С. 1.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 20. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 22. Л. 2 об.; Д. 24 д. Л. 4 об. и др.

¹⁰ Там же. Д. 24а. Л. 4.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 22. Л. 3.

сотрудников или членов-соревнователей, эти категории составляли незначительную часть.

Приведенные материалы показывают, что критика замкнутости научных обществ в определенном смысле была справедлива. Но каким образом власть могла повлиять на социальные характеристики данных общественных организаций? Утверждение 12 мая 1923 года «Нормального устава научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса»¹³, безусловно, было направлено на расширение социального состава научных обществ. Последние были обязаны переработать свои уставы в соответствии с «Нормальным»¹⁴ в течение трех месяцев с момента его опубликования 15 июня 1923 года.

Согласно «Нормальному уставу» упрощалась процедура принятия в члены-сотрудники (корреспонденты, соревнователи) общества: «членами-сотрудниками (корреспондентами, соревнователями) могут быть лица, желающие оказать обществу содействие в его работах» и «члены сотрудники зачисляются Правлением (Советом) Общества, согласно их письменным заявлениям»¹⁵. Таким образом, все научные общества должны были состоять не только из ученых и практиков, но включать и «любителей». Однако эти меры не могли привести к быстрому кардинальному изменению социального состава научных обществ.

Вместе с тем согласно 9-му пункту «Нормального устава» списки членов должны были ежегодно представляться в орган НКВД, зарегистрировавший общество¹⁶, что позволяло власти контролировать одновременно и численный, и социальный состав каждого научного общества. Историк А. А. Курепин (Курепин, 2003: 44) справедливо заметил, что «одной из форм бюрократического управления наукой и политического контроля за научными и научно-педагогическими работниками являлся их количественный и качественный учет». Сказанное, безусловно, относится и к научным обществам.

Петроградское управление научных учреждений не стало дожидаться, пока научные общества города переработают свои уставы, и 9 июня 1923 года разослало им предписание срочно представить списки личного состава (учредителей общества, должностных лиц, членов общества) с указанием социального положения и профессии¹⁷.

Русское общество любителей мироведения посчитало требование сообщить о каждом члене общества сведения о его профессии или социальном положении совершенно невыполнимым¹⁸, так как в распоряжении общества не было таких сведений, ведь на протяжении 12 лет своего существования оно не требовало таких сведений от своих членов. «С этого времени заявления о вступлении в общество принимаются уже в виде анкеты, в которую входят и данные о социальном

¹³ Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и состоящих в ведении Главнауки Наркомпроса // Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 88–89.

¹⁴ О порядке утверждения научных, литературных и научно-художественных обществ, не преследующих целей извлечения прибыли // Бюллетень НКВД. 1923. № 12. Ст. 158. С. 88.

¹⁵ Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ... С. 88.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 539. Л. 47; Д. 626. Л. 3; Д. 627. Л. 27; Д. 630. Л. 22; Д. 631. Л. 13; Д. 632. Л. 33; Д. 719. Л. 26.

¹⁸ Там же. Д. 539. Л. 47–47 об.

положении»¹⁹. Российское минералогическое общество в ответ на это же предписание сетовало, что не может дать полный список своих членов, так как «расстроенные в течение последних лет связи с провинцией еще далеко не вполне восстановлены, и относительно многих лиц дирекция не имеет решительно никаких сведений, неизвестно даже, живы ли многие лица»²⁰. Вследствие этого обществом были представлены только списки тех членов, которые проживали в Петрограде и Москве.

Отсутствие в научных обществах сведений о социальном положении их членов побудило власти, в данном случае НКВД, ввести обязательное требование заполнения анкет всеми вступающими в то или иное общество²¹. В этих анкетах, помимо прочего, необходимо было указывать место службы и занимаемую должность, а для неслужащих — социальное положение, партийность и номер партийного билета, а также сведения о судимости²². В свою очередь Главнаука неоднократно запрашивала у научных обществ персональные данные посредством различных анкет. Например, в конце мая 1925 года научные общества по требованию Главнауки заполняли анкеты следующей формы: 1) состав руководящих органов общества²³, 2) общее число членов, 3) партийность²⁴. Лишь несколько обществ имели в своем составе партийцев: в Еврейском историко-этнографическом обществе состоял один член РКП(б) — И. Д. Сосис²⁵, а И. И. Ионов был единственным партийцем в Библиологическом обществе²⁶.

Учет партийцев, который можно рассматривать как одну из форм властного контроля над составом научных обществ, впервые заинтересовал власть еще в самом начале 1920-х годов. Так, осенью 1921 года по всем научным обществам были разосланы анкеты, включающие вопросы о наличии в обществе «комитетов служащих» (профсоюзных организаций) и «коллективов коммунистов» (партийных ячеек). Но ни того, ни другого ни в одном научном обществе города не оказалось²⁷.

Государственные органы не оставляли попыток регулирования и контроля за социальным и численным составом научных обществ города. Через два года, 30 ноября 1923 года, во все научные учреждения Петрограда, в том числе и общества, была направлена более подробная анкета, позволяющая получить точные социальные характеристики каждой организации посредством требования указывать личный состав, состав административно-хозяйственных органов²⁸.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 539. Л. 47 об.

²⁰ Там же. Д. 630. Л. 22–22 об. Стиль документа сохранен.

²¹ Там же. Д. 792. Л. 50 об.

²² Там же. Д. 1001. Л. 19.

²³ Необходимо отметить, что в соответствии с 19-м пунктом «Нормального устава» 1923 г. научным обществам было необходимо сообщать «о составе избранного Правления и обо всех происходящих в нем изменениях» соответствующему органу НКВД (Нормальный устав научных, литературных и научно-художественных обществ... С. 89).

²⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 909. Л. 20; Д. 920. Л. 48 об.

²⁵ Там же. Л. 20.

²⁶ Там же. Д. 920. Л. 48 об.

²⁷ Там же. Д. 341. Л. 1–2; Д. 351. Л. 1–2; Д. 353. Л. 2–2 об.; Д. 354. Л. 2–3; Д. 355. Л. 3–4; Д. 356. Л. 1–2, 7–8; Д. 357. Л. 1–2; Д. 358. Л. 1–1 об.; Д. 361. Л. 1–2; Д. 909. Л. 1–3; Д. 910. Л. 1–2; Д. 11. Л. 1–5 об.; Д. 912. Л. 1–2; Д. 913. Л. 1–2.

²⁸ Там же. Д. 417. Л. 389–390 об.; Д. 630. Л. 43–44.

В начале июня 1925 года Главнаука просила ЛОГ «представить анкеты на всех научных и административных сотрудников по прилагаемому списку учреждений»²⁹, который включал 9 научных обществ, состоящих на государственном бюджете³⁰. Анкета состояла из 32 пунктов: требовалось указать социальное происхождение, имущественное положение, причем не только сотрудника общества, но и его родственников («родителей жены, детей — имеются ли у них дом, хозяйство, земля, капиталы»); также необходимо было сообщить принадлежность к политическим партиям («до Февральской революции, до Октябрьской революции и по настоящее время»), подвергался ли сотрудник репрессиям (в те же периоды), находится ли сотрудник в родстве или в свойстве с другими сотрудниками и занимается ли научной деятельностью кто-нибудь из членов его семьи и др.³¹ Анкета такого масштаба впервые была представлена для заполнения научным обществам. Она имела ярко выраженную финансово-политическую направленность, что отличало ее от всех предшествующих, внимание которых концентрировалось на социальных характеристиках и партийности научных и административных членов обществ и учреждений, подведомственных Главнауке. Спустя несколько месяцев вопрос членства в партии оказался в центре внимания власти. Правда, речь шла уже о штатных сотрудниках научных обществ. Циркуляр ЛОГ от 25 августа 1925 года требовал от них представить сведения о штатных единицах, в том числе данные о членах РКП(б), РКСМ и кандидатах в члены партии, каковых не было ни в одном обществе³².

Административный отдел Ленинградского губисполкома (АОЛГИ) 21 июля 1925 года, исполняя циркулярное распоряжение НКВД, обязал все научные общества города в срок до 5 сентября представить отчеты об их деятельности с момента последней перерегистрации устава организации³³. Помимо прочего от обществ требовалось сообщить сведения об исполнительном органе общества, его учредителях и действительных членах по следующей анкетной форме: 1) фамилия, имя, отчество; 2) возраст; 3) место жительства; 4) род занятий и место службы; 5) социальное положение до 1917 года и происхождение; 6) партийность и политические убеждения; 7) род занятий и место службы (при царизме, за период с февраля до октября 1917 года, с октября по настоящее время); 8) судимость. Кроме того, необходимо было сообщать статистические данные «о движении количества членов по шестимесячным периодам с указанием социального положения (рабочих, служащих, интеллигентов)»³⁴. Губисполком требовал от научных обществ и в дальнейшем предоставления отчета по такой же форме ежеквартально, а в случае уклонения от исполнения этих распоряжений или непредставления требуемых сведений

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 755. Л. 244–245.

³⁰ Ленинградские научные общества естествоиспытателей, физико-химическое, минералогическое, палеонтологическое, ботаническое, энтомологическое, географическое, марксистов были включены в список общественных организаций состоящих на государственном бюджете, утвержденный декретом СНК 17 февраля 1925 г. (Об утверждении списка научных, музейных, художественных и по охране природы учреждений и обществ, находящихся в ведении Главного Управления научных и научно-художественных учреждений Народного Комиссариата Просвещения РСФСР // СУ РСФСР. 1925. № 14. Ст. 95. С. 165–176.)

³¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 755. Л. 246–248 об.

³² Там же. Д. 794. Л. 22; Д. 795. Л. 36; Д. 796. Л. 26; Д. 797. Л. 16; Д. 958. Л. 27.

³³ Там же. Д. 973. Л. 67.

³⁴ Там же.

к установленному сроку, руководители объединений первый раз должны были подвергнуться административному взысканию, при повторном неисполнении распоряжения общество подлежало закрытию³⁵.

Научные общества Ленинграда в своих заявлениях в губисполком указывали, что «вследствие разбросанности своих членов по территории республики, они к такому сроку требуемые сведения предоставить не могут»³⁶. Это, действительно, было так. Например, в Обществе любителей мироведения состояло 639 членов³⁷, а в Русском географическом обществе — 540, причем, только 380 из них проживало в Ленинграде³⁸, а остальные в провинции — в Иркутске, Красноярске, Омске, Барнауле, Семипалатинске, Хабаровске, Владивостоке, Чите и др. Губисполком, учитывая трудности научных обществ по сбору данных, не предпринимал решительных действий, но 16 февраля 1926 года, по прошествии пяти с половиной месяцев, издал циркуляр, обязывающий все общества прислать необходимые сведения не позднее 10 марта 1926 года, пригрозив закрытием тех организаций, которые не выполнят требование к указанному сроку³⁹.

ЛОГ, выступавшее на стороне научных обществ города, 24 февраля 1926 года обратилось за поддержкой к Главнауке, так как «представление анкет на всех действующих членов является в высшей степени трудным, а для крупных обществ с большим количеством членов, вряд ли выполнимым»⁴⁰. Основные трудности для научных обществ заключались в отсутствии у них «аппарата, который мог бы выполнить настоящее задание», а также «в отсутствии необходимых для этого денежных средств»⁴¹. Стала очевидной необходимость упрощения отчетности научных обществ — властный контроль стал мешать их нормальной работе.

Тем не менее Русское астрономическое общество уложились в срок, и 8 марта 1926 года отправило в АОЛГИ сводную таблицу с анкетными данными, правда только 122 членов⁴², что составляло 55,45 % от общего числа. Спустя 2 недели (22 марта) Русское палеонтологическое общество сообщило сведения о 53 членах (34,42 % от общего числа)⁴³. Российскому минералогическому обществу удалось собрать сведения только о 28 (9 %) своих членах⁴⁴, к тому же представлены они были на месяц позже установленного срока. Ленинградское офтальмологическое общество, будучи не столь массовым, смогло, хотя только 1 апреля 1926 года, предоставить сводную анкету на 40 членов (100 %)⁴⁵.

Начиная с 1926 года, как отмечал А. А. Курепин (Курепин, 2003: 131), «деятельность Ленинградского губкома ВКП(б) в сфере науки резко активизировалась». Пути «коммунизации» научных учреждений, подведомственных ЛОГ, обсуждались

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 973. Л. 67–67 об.

³⁶ Там же. Л. 66.

³⁷ Там же. Д. 1001. Л. 25.

³⁸ Там же. Д. 1080. Л. 7.

³⁹ Там же. Д. 973. Л. 66.

⁴⁰ Там же. Л. 65.

⁴¹ Там же. Л. 65об.

⁴² Там же. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 283. Л. 88–89.

⁴³ Там же. Д. 24а. Л. 77–83.

⁴⁴ Там же. Д. 24д. Л. 17–18.

⁴⁵ Там же. Д. 164. Л. 75 об.–78.

на заседаниях бюро коллектива ВКП(б) ЛОГ⁴⁶. На расширенном заседании при участии руководителя Главнауки Ф. Н. Петрова 4 апреля 1926 года было решено, что необходимо пополнить учреждения членами партии, при этом отмечалось, что «крупных ученых снимать с работы нельзя, но необходимо вести с ними теоретическую работу»⁴⁷. Ф. Н. Петров считал «возможным в первую очередь коммунизировать административно-хозяйственные должности»⁴⁸. Но таким путем невозможно было увеличить партийное представительство в научных обществах. Все должности в научных обществах были выборными, а члены принимались на общих собраниях организаций. Единственным возможным решением этой проблемы был контроль за численностью партийцев и комсомольцев в составе научных обществ Ленинграда.

С середины 1920-х годов пункт «партийность» становится неотъемлемой частью всех анкет, направляемых в научные общества властными органами. Наличие коммунистической и комсомольской прослойки среди членов научных обществ повышало доверие властных органов к их деятельности. Например, Научное общество марксистов пользовалось самой широкой поддержкой на всех уровнях власти как общество, проводящее в науку принципы марксизма; кроме того, еще в 1923 году в нем состояло около 50 членов РКП(б)⁴⁹.

16 февраля 1926 года Главнаука разослала циркуляр научным обществам города, согласно которому они должны были в трехдневный срок представить сведения о численном составе членов ВКП(б) в обществе⁵⁰. Русское астрономическое общество ответ подготовило быстро: в составе общества не оказалось членов партии⁵¹. Не было их и в составе Общества психиатров⁵², Гинекологического общества при Государственном акушерско-гинекологическом институте⁵³, Общества неврологии, рефлексологии, гипнологии и биологической физики⁵⁴ и др. В состав ряда научных обществ входили один-два члена партии: в Обществе радиологов и рентгенологов это был А. И. Аронштам⁵⁵, в Микробиологическом обществе — А. М. Белозовач и Л. Г. Раппопорт⁵⁶, в Обществе библиотековедения — его председатель А. Е. Плотников⁵⁷, в Ленинградском обществе невропатологов — Л. Н. Федоров⁵⁸, в Ленинградском терапевтическом обществе им. С. П. Боткина — профессор Ленинградского медицинского института С. С. Халатов⁵⁹, в Ленинградском анатомо-антропологическом обществе — И. И. Васильев и С. Г. Шмерлинг⁶⁰. Научное общество марксистов, естественно, было лидером по числу партийцев: на 20 февраля 1926 г. в его состав входило 54 члена ВКП(б).

⁴⁶ Например, в заседании 4 апреля 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.)

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 629. Л. 26.

⁵⁰ Там же. Д. 977. Л. 8.

⁵¹ Там же. Д. 914. Л. 19.

⁵² Там же. Д. 912. Л. 22.

⁵³ Там же. Д. 942. Л. 50.

⁵⁴ Там же. Д. 947. Л. 22.

⁵⁵ Там же. Д. 932. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Д. 936. Л. 9, 10.

⁵⁷ Там же. Д. 943. Л. 20.

⁵⁸ Там же. Д. 945. Л. 12.

⁵⁹ Там же. Д. 948. Л. 70.

⁶⁰ Там же. Д. 962. Л. 3.

В 1926 году ЛОГ был ликвидирован распоряжением Наркомпроса, все его функции и имущество передавалось Управлению уполномоченного Наркомпроса. Это одно из свидетельств курса власти на всемерную централизацию управления советским обществом. На должность уполномоченного был назначен Б. П. Позерн, являвшийся членом партии с 1902 года.

Новый властный орган нуждался в информации о подведомственных ему организациях, поэтому 24 декабря 1926 года уполномоченный Наркомпроса просил научные общества города в двухнедельный срок представить следующие сведения по личному составу обществ: 1) общее количество членов, с подразделением на категории; 2) по каждой категории число научных работников, число членов из состава учащейся молодежи и число членов из практиков в данной области; 3) по каждой категории: число членов рабочих, крестьян, служащих и пр.; 4) поименный список членов ВКП(б) и ВЛКСМ, входящих в состав общества; 5) поименный список правления (совета) общества с указанием других мест работы⁶¹. В таблице 2 представлены обобщенные нами сведения о 25 научных обществах Ленинграда⁶².

Таблица 2

Количественный и качественный состав
ленинградских научных обществ в 1926 году

Название общества	Всего членов	Действ. членов	Почетных членов	Других	Науч. раб.	Ученых	Практиков
Гинекологическое	39	33	6	—	39	—	—
Палестинское	57	52	2	3	57	—	—
Любителей мироведения	643	565	20	58	240	108	178
Страховых знаний	43	43	—	—	12	—	31
Еврейское историко-этнографическое	86	86	—	—	28	15	42
Натуралистов	27	23	1	3	7	13	20
Ботаническое	412	374	34	4	412	—	—
Исследователей культуры финно-угорских народностей	31	22	—	9	21	1	9
Психиатров	179	90	11	78	62	—	28
Рентгенологов и радиологов	87	82	5	—	62	—	20
Географическое	540	532	8	—	540	—	—
Астрономическое	220	188	23	9	97	7	84
Минералогическое	326	269	57	—	139	—	151
Физико-математическое	102	95	7	—	102	—	—
Хирургическое	87	76	11	—	87	—	—
Палеонтологическое	154	139	15	—	154	—	—
Библиоковедения	250	250	—	—	189	3	58
Энтомологическое	444	348	15	81	444	—	—
Терапевтическое	203	197	6	—	92	—	105
Научное общество марксистов	94	81	13	—	88	6	—

⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1091. Л. 1.

⁶² Таблица составлена на основе данных ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1091. Л. 3–98.

Металлургическое	585	497	9	79	41	54	490
Микробиологическое	152	111	41	—	75	—	36
Офтальмологическое	51	41	9	—	26	—	25
Невропатологов	84	84	—	—	72	—	12
Детских врачей	129	128	1	—	46	—	—

Социальные характеристики обществ оказались легко предсказуемыми. Из 25 обществ 14 причислили всех своих членов к категории служащих. Необходимо отметить, что понимание того, кто является служащими, было у обществ различным. Так, Гинекологическое общество вообще не ответило на 3 пункт анкеты, так как все члены этой организации являлись либо научными работниками, либо преподавателями, то есть, в понимании правления общества, служащими не являлись⁶³. Таким же образом поступили Общество детских врачей, Русское энтомологическое и Русское ботаническое общества⁶⁴. Напротив, правления Российского палестинского и Ленинградского терапевтического обществ всех своих членов, которые являлись научными работниками, посчитали служащими⁶⁵.

Общество библиотековедения, в свою очередь, представило сведения не по социальному составу, а по социальному происхождению. Так, выходящий из рабочей среды среди членов этого общества было 4 чел., из крестьян — 21 чел., из служащих — 193 чел., из мещан — 24 чел., из казаков — 2, из военных — 3, из духовенства — 3 чел.⁶⁶

Особый интерес для власти представлял четвертый пункт анкеты: ведь при достаточном количестве партийцев в составе, «с идеологической точки зрения, общество не вызывает сомнения»⁶⁷. В Русском географическом, Русском астрономическом, Ленинградском минералогическом, Ленинградском терапевтическом и Русском металлургическом (два первых — старейшие научные общества в стране) членов ВКП(б) было менее 1%. Менее 2% членов партии было в 10 научных обществах. Лидером по числу партийцев, что совсем не удивительно, являлось Научное общество марксистов, в котором они составляли 44,68% (42 чел. из 92). Следует учитывать, что некоторые члены партии входили одновременно в несколько научных обществ, как, например, Д. В. Голубятников — член Географического, Минералогического и Палеонтологического обществ. Таким образом, в действительности партийцев было еще меньше, чем показывала статистика.

В 6 научных обществах (Гинекологическое общество, Ленинградское общество натуралистов, Русское ботаническое, Психиатров в Ленинграде, Ленинградское физико-математическое, Русское энтомологическое) не было ни партийцев, ни комсомольцев, ни кандидатов в члены партии и ВЛКСМ.

В дальнейшем научные общества города регулярно сообщали во властные органы данные относительно наличия среди членов партийцев. Так, в 1928 году в Русское общество любителей мироведения входило 9 членов партии и 3 кандидата, а также 6 комсомольцев, а общая численность общества превышала

⁶³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1091. Л. 3.

⁶⁴ Там же. Л. 13, 53 об., 71.

⁶⁵ Там же. Л. 5, 55.

⁶⁶ Там же. Л. 47.

⁶⁷ Там же. Д. 1104. Л. 8.

600 человек⁶⁸. В Обществе натуралистов в то же время из 121 члена 4 состояло в ВКП(б), а в ВЛКСМ — 2 человека, в 1929 году общее количество членов общества возросло до 140 человек, но количество коммунистов и комсомольцев осталось неизменным⁶⁹. До начала 1930-х годов ни одна партийная фракция в научных обществах Ленинграда так и не была создана, несмотря на стремление власти образовывать таковые во всех научных учреждениях и общественных организациях. Количество членов ВКП(б) и ВЛКСМ относительно общего числа членов общества во второй половине 1920-х годов, за редким исключением, составляло не более 2%, причем многие научные общества Ленинграда вообще не имели партийцев в своем составе.

Весьма значимым было появление в 1930 году нового «Положения о добровольных обществах и союзах» и Типовых уставов⁷⁰, которые уравнивали все общественные организации, ликвидировали их специфику. Напомним, что до конца 1920-х годов каждый вид общественных организации имел свой устав, свое положение о регистрации и функционировании.

В первом пункте «Положения» 1930 года подчеркивалось, что «добровольные общества и союзы (объединения, клубы, ассоциации, федерации и т. п.) являются организациями общественной самодеятельности трудящихся масс города и деревни, ставящими своей задачей активное участие в социалистическом строительстве Союза ССР, а также содействие укреплению обороны страны»⁷¹. В Инструкции НКВД «О порядке утверждения уставов добровольных обществ и союзов и надзора за их деятельностью», принятой 3 ноября 1930 года, указывалось, что административные органы «проверяют состав членов об[ществ]а или союза с точки зрения изживания цеховой замкнутости в об[ществ]ах, вовлечения в его состав широких трудящихся масс, в первую очередь рабочих с производства, пролетарской части учащихся, сельскохозяйственных рабочих и работниц, батрацко-бедняцких и колхозных слоев деревни»⁷².

Новые Типовые уставы отменяли и дифференциацию членов на категории. Теперь членами общества, согласно § 8, могли быть «все граждане, признающие устав общества, не лишённые избирательных прав, научно или практически работающие в области (предмет деятельности об[ществ]а) в соответствующих производственных предприятиях, студиях, лабораториях, клубных кружках, кружках самообразования и т. п., а также желающие оказать активное содействие обществу в его работе»⁷³. Вступить в общество можно было по собственному заявлению, а прием производился общим собранием членов общества или его ячейки⁷⁴.

⁶⁸ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 53. Л. 20 об., 22 об.

⁶⁹ Там же. Д. 55. Л. 49 об., 63.

⁷⁰ Положение о добровольных обществах и союзах // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 2–5; Типовой устав добровольных обществ, имеющих отделения // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 11–27; Типовой устав добровольных обществ, не имеющих отделений (местного характера) // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 18–22.

⁷¹ Положение о добровольных обществах и союзах // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 2.

⁷² Инструкции № 531. О порядке утверждения уставов добровольных обществ и союзов и надзора за их деятельностью // Бюллетень НКВД. 1930. № 36а. С. 8.

⁷³ Типовой устав добровольных обществ, имеющих отделения... С. 12; Типовой устав добровольных обществ, не имеющих отделений (местного характера)... С. 19.

⁷⁴ Там же.

Таким образом, с введением новых законодательно-нормативных документов в 1930 году начался процесс трансформации социального и численного состава научных обществ в соответствии с политикой советской власти. Не все научные общества Ленинграда, функционировавшие в 1920-е годы, решились на подобные радикальные изменения и были вынуждены самоликвидироваться. Советская власть фактически добилась того, чего ей не удавалось сделать на протяжении 1920-х годов. Наконец, общественным организациям научной интеллигенции были приданы характерные черты и функции массовых объединения трудящихся, подконтрольных власти.

Литература

Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки. (1917–1922). М.: Наука, 1973. 294 с. [*Bastrakova M. S.* Stanovleniye sovetskoy sistemy organizatsii nauki. (1917–1922). М.: Nauka, 1973. 294 s.]

Иванова Л. В. Формирование советской интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука, 1980. 392 с. [*Ivanova L. V.* Formirovaniye sovetskoy intelligentsii (1917–1927 gg.). М.: Nauka, 1980. 392 s.]

Киселева Н. В. Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов н/Д: РГУ, 1998. 210 с. [*Kiseleva N. V.* Vozniknoveniye sovetskogo fenomena massovykh dobrovol'nykh obshchestv. Rostov n/D: RGU, 1998. 210 s.]

Курепин А. А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб.: Нестор-История, 2003. 359 с. [*Kurepin A. A.* Nauka i vlast' v Leningrade. 1917–1937 gg. SPb.: Nestor-Istoriya, 2003. 359 s.]

Степанский А. Д. История общественных организаций дореволюционной России. М.: МГИАИ, 1979. 81 с. [*Stepanskiy A. D.* Istoriya obshchestvennykh organizatsiy dorevol'yutsionnoy Rossii. М.: MGIAI, 1979. 81 s.]

Social and numerical composition of scientific societies in Petrograd–Leningrad in the 1920s: the government regulation and control

ELENA F. SINELNIKOVA

scientific researcher
at the Institute for the History of Science and Technology of the RAS,
St Petersburg, Russia;
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

The article is dedicated to the forms of overbearing control of social and numerical composition of scientific societies of Petrograd–Leningrad in the 1920s. The author points that “communization” of science was the task for the authorities, but scientific societies were public organizations, therefore the authorities had to look for a specific path to deal their task. The author stresses that the social composition of scientific societies hasn't undergone significant changes during the 1920s despite close monitoring by the authorities and the efforts of its transformation. The process of transformation of scientific societies has just begun by the introduction of new legislative and regulatory documents in 1930.

Keywords: scientific societies, the soviet power, social composition of scientific societies, Petrograd, Leningrad, public organization, science.